

analysis and interdisciplinary synthesis (economics of law), methods of induction and deduction, generalization of the results obtained using a hypothetical-deductive method, substantiates the need for an effective local risk management system for Russian commercial enterprises. Arguments are given in favor of the use of innovative tools in the formation and filling of risk management systems. The article deals with the problems associated with the introduction of a corporate agreement as an effective tool in the system of minimizing commercial risks arising in the course of the activities of Russian business structures. The article presents the most relevant scientific publications on the topic of research and makes a generalized conclusion about the current state of research in the relevant field. The issue of the place of corporate agreements in local risk management systems is considered. The definitions are given and the main characteristics of risk management and its system, corporate agreement are given. The range of issues regulated by the provisions of the corporate agreement is outlined. The conclusion summarizes the arguments supporting the introduction of innovative tools into existing risk management systems. Arguments are given in favor of using a corporate agreement as an effective and low-budget tool to ensure the growth of the effectiveness of risk management systems in Russian business structures. The conclusion is substantiated that the use of a corporate agreement as an instrument of the risk management system is potentially capable of positively affecting the level of economic efficiency and competitiveness of commercial enterprises. Examples of corporate risks that can be minimized by applying certain provisions of the corporate agreement are given.

Keywords: corporate contract, risk management, risk management system, business structures, risks, instrument, company, management, competitiveness.

JEL classification: D25, D81, K15, M21.

Manuscript received 16.07.2020

ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ РАЗВИТИЯ В РОССИИ: ТРЕНДЫ И ПРОГНОЗЫ¹

Е.В. Балацкий, Н.А. Екимова

DOI: 10.33293/1609-1442-2021-1(92)-23-39

В последние десятилетия в России идет процесс формирования рынка институтов регионального развития, в структуре которого выделяют такие организационные структуры, как региональные корпорации (агентства) развития. В статье рассматривается информационная открытость российских региональных корпораций развития (РКР), дается количественная оценка и показывается качественная трансформация данного явления за 2016 и 2020 гг. В качестве информационной базы использованы официальные сайты и порталы указанных организаций. Сравнение построенных авторами рейтингов информационной открытости РКР России за 2016 и 2020 гг. позволило установить ряд важных фактов и трендов в их развитии. Во-первых, число РКР мед-

© Балацкий Е.В., Екимова Н.А., 2021 г.

Балацкий Евгений Всеволодович, д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ЦЭМИ РАН, директор Центра макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия; evbalatsky@inbox.ru. ORCID 0000-0002-3371-2229

Екимова Наталья Александровна, к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник Центра макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия; n.ekimova@bk.ru. ORCID 0000-0001-6873-7146

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-010-00712-А).

Авторы выражают глубокую благодарность анонимному рецензенту за сделанные им полезные замечания.

ленно, но верно растет. Во-вторых, их информационная открытость за последние четыре года незначительно увеличилась. В-третьих, разница между показателями информационной открытости РКР резко сократилась, что свидетельствует о своеобразной «информационной конвергенции» данных структур на общероссийском рынке информации. В-четвертых, работа, направленная на улучшение информированности о деятельности РКР, имеет стихийный характер и не предполагает никаких стандартов отчетности. Для выявления управленческих резервов в работе российских РКР рассмотрен опыт Канады и Австралии, который позволил сформулировать ряд предложений. Во-первых, число отечественных РКР целесообразно увеличить в два-три раза. Во-вторых, необходим единый стандарт корпоративной отчетности РКР и федеральный портал с их контактами. В-третьих, РКР должны не только участвовать в реализации региональных проектов, но и разрабатывать перспективную модель развития территории с учетом ее специфики, что на сегодняшний день отсутствует.

Ключевые слова: региональная политика, корпорации развития, институты регионального развития, рейтингование, информационная открытость.

JEL classification: R58.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня почти во всех странах мира действуют разнообразные институты регионального развития (ИРР), которые призваны осуществить экономический рывок для тех или иных отстающих регионов государства. Разумеется, наиболее актуальна эта задача для стран с большой территорией и неблагоприятными климатическими условиями, где экономическое неравенство регионов изначально заложено самой природой, к числу которых относится и Россия. С 2018 г., когда был принят Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», который предусматривал рост производительности труда на средних и круп-

ных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики не ниже 5% в год, данная проблема была взята под федеральный контроль. Для достижения намеченной цели был запущен национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости», паспорт которого утвержден Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам 24.09.2018. Сроки реализации проекта – 01.10.2018–31.12.2024. Проект базируется на успешном опыте реализации в 2017–2018 гг. приоритетной программы «Повышение производительности труда и поддержка занятости», которая была реализована на 200 предприятиях 16 субъектов Российской Федерации.

В 2018 г. в национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости» было вовлечено 16 регионов, в 2019 – 29, в 2020 – 43, а в 2024 – в нем должны участвовать уже все 85 регионов страны². Хотя об этом не говорится в явной форме, но данная инициатива, помимо прочего, направлена на создание механизма технологической диффузии в стране – как между отдельными предприятиями, так и между регионами.

Для решения поставленных задач в рамках национального проекта создаются региональные центры компетенции, проводится обучение инструментам бережливого производства, изучаются и внедряются передовые практики повышения эффективности труда, совершенствуется механизм получения предприятиями господдержки³. Одним из институтов, призванным способствовать всем названным мероприятиям, выступают реги-

² Паспорт национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости». URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_proizvoditelnost_truda_i_podderzhka_zanyatosti/

³ Производительность труда: Лидеры промышленности России – 2018. URL: http://www.up-pro.ru/imgs/specprojects/lidery-promyshlennosti/2018/Productivity_2018.pdf

ональные корпорации развития (РКР), которые начали создаваться, по крайней мере, уже в 2002 г.

Множество действующих в стране РКР образуют некий аналог рынка, однако данный термин не вполне подходит для описания рассматриваемого явления. Это связано с тем, что РКР в основном ориентированы не только на финансовые показатели, но также и на неформальный учет специфики территории в построении региональной экономики. Кроме того, взаимодействие РКР между собой сегодня практически полностью отсутствует, тем более на рыночной основе. Ситуация усугубляется и тем фактом, что все РКР полностью подконтрольны региональной администрации и в своей деятельности не обладают рыночной свободой. В связи с этим для удобства дальнейшего изложения материала и во избежание двусмысленных интерпретаций множество отечественных РКР будем кратко называть *общероссийской сетью* (ОРС) РКР.

Цель данной статьи состоит в исследовании ОРС РКР в разрезе их информационной открытости, что является основой оценки эффективности их деятельности. Для этого будет предложен алгоритм оценки информационной открытости РКР и составлен их рейтинг, который позволит проанализировать динамику данного процесса. Для сравнения будет рассмотрен опыт аналогичных структур в других странах, чтобы понять особенности и этап развития отечественных корпораций развития.

РКР В СИСТЕМЕ ИНСТИТУТОВ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Следует отметить, что институтам регионального развития посвящено большое число публикаций как в России, так и за рубежом. Укажем лишь некоторые из них.

Так, неоднократно делались попытки классифицировать современные ИРР (Татар-

кин, Котлярова, 2013; Балацкий, Екимова, Юревич, 2019; Балацкий, Екимова, 2020). Роль, значение ИРР и их место в системе макроэкономического регулирования были раскрыты в (Полтерович, 2016, 2018).

В качестве одного из ИРР подробно рассматривалось *проектное управление* (Екимова, 2020). В рамках этого направления велось исследование *региональных инвестиционных форумов* как в России (Балацкий, 2011, 2013), так и в других странах (Юревич, 2020). Еще один оригинальный ИРР – авиашоу – был рассмотрен в (Гусев, Доронина, 2020).

Также имеется опыт рассмотрения РКР, или, как их иногда называют, агентств регионального развития (АРР), для разных стран с той или иной степенью детализации. В частности, проанализированы существующие организационно-правовые модели АРР (Eroglu et al., 2014), выявлены специфические критерии типового агентства (Halkier, Danson, 1997) и факторы, определяющие успех их деятельности (Toktas et al., 2013); изучен опыт работы АРР как в отдельных странах, например в Португалии (Salvador, Juliao, 2000), Австралии (Maude, Beer, 2000), Турции (Toktas et al., 2013), Великобритании (Halkier, 1992; Балацкий, 2012; Екимова, 2020), Румынии (Benedek, Horvath, 2008), Казахстане (Балацкий, 2012), так и в регионах (Yuill, 1982; Halkier et al., 1998; Hughes et al., 2004), а также проведен их сравнительный анализ (Eroglu et al., 2014; Toktas et al., 2018).

В настоящее время изучение РКР продолжается. В частности, в 2016 г. при содействии интернет-издания «Капитал страны» была осуществлена инициатива построения Рейтинга информационной открытости РКР (РИОК) России⁴, который получил определенный отклик как от самих РКР, так и от региональных СМИ. Однако ОРС РКР в последующие четыре года продолжал количественно и качественно меняться (рис. 1),

⁴ Рейтинг информационной открытости региональных корпораций развития России. URL: <http://nonerg-econ.ru/cat/20/71/>

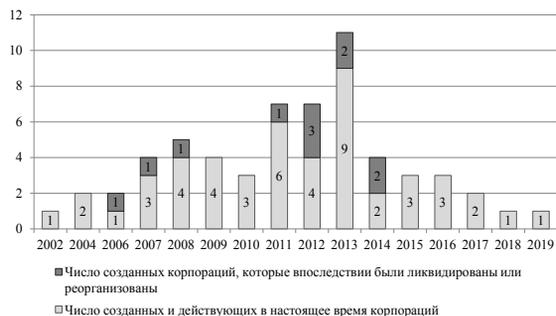

Рис. 1. Динамика российских РКР по годам

в связи с чем инициативная группа исследователей под эгидой интернет-журнала «Неэргодическая экономика» в 2020 г. составила новый и несколько усовершенствованный рейтинг. В связи с этим в данный момент появилась возможность рассмотреть рейтинговые данные как в пространственном, так и во временном ракурсе, что и является основной задачей данной статьи.

Помимо этого, ведется работа, направленная на изучение трансформации ОРС РКР и роли государства в их функционировании. Из данных на рис. 1 видно, что пик в создании и реорганизации РКР пришелся на 2013 и 2014 гг. соответственно. Представленные данные показывают, что к 2020 г. наметилась стабилизация ОРС РКР. Это, в свою очередь, означает, что в последние годы происходило не столько изменение числа действующих игроков ОРС, сколько качественная трансформация их деятельности.

Характерно, что на определенном этапе была сделана попытка придать стихийному характеру функционирования ОРС РКР более выраженный и упорядоченный характер. Отчасти в этих целях в 2011 г. Правительством Российской Федерации было организовано Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов (АСИ), призванное стать федеральным драйвером реализации приоритетных проектов и улучшения предпринимательской среды в отечественных регионах. Можно предположить, что само возникновение АСИ инициировало более ак-

тивное создание и реорганизацию РКР. Действительно, из данных рис. 1 следует, что годами наибольшей активности ОРС РКР стали три первых года существования АСИ – 2011–2013 гг. Однако этот же факт свидетельствует и о другом: стимулирующее влияние федерального агентства на региональные институты развития было краткосрочным и во многом конъюнктурным.

Взаимодействие АСИ с регионами в основном ограничилось формально-аналитическими проектами. Например, агентством на основе 15 лучших инвестиционных практик, используемых экономически успешными регионами, был разработан Региональный инвестиционный стандарт (РИС), пилотная апробация которого началась в 11 регионах в 2012 г., после чего он стал обязательным для всех субъектов РФ. Продолжением РИС стал проект создания в 2013 г. Инвестиционного портала регионов (ИПР) России, на котором размещается информация об условиях ведения бизнеса во всех регионах России. В 2014 г. был реализован еще один проект – построение Национального рейтинга состояния инвестиционного климата (НРИК) в субъектах Российской Федерации. При этом АСИ, располагая сетью из 11 региональных представительств и имея в 31 субъекте России общественных представителей, так и не наладило тесного взаимодействия с РКР.

Отечественные аналитики подробно рассмотрели возможности и результаты работы АСИ. В частности, отмечались его весомые конкурентные преимущества перед прочими федеральными органами исполнительной власти: во-первых, оно намного ближе к Президенту РФ, во-вторых, оно имеет потенциал неограниченных горизонтальных административных коммуникаций; в-третьих, у агентства имеются ресурсы для обстоятельной и непредвзятой работы над государственной повесткой (Гусев, 2015б). Однако не все реализованные проекты АСИ на поверку оказались успешными. Например, методика составления НРИК, ставшего флаг-

маном проектной деятельности АСИ, в научном сообществе подверглась жесткой критике (Гусев, 2015а), поставившей под сомнение эффективность использования рейтинга в государственной региональной политике (Гусев, 2015б).

Проекты РИС и ИПР также не полностью выполнили свою унифицирующую и интегрирующую функции. Так, на сайте ИПР в рубрике «Контакты региональных институтов» на сегодняшний день представлено только 20 из 46 РКР России, т.е. менее 44% имеющегося числа участников ОРС. Более того, для многих регионов указанная рубрика «Контакты региональных институтов» вообще не предусмотрена⁵. Все это свидетельствует об отсутствии слаженной работы АСИ и РКР.

Кроме того, аналитики отмечают, что в 2014 г. в деятельности АСИ произошел перелом – оно исчерпало, а затем полностью утратило собственную инициативу и стало в бюрократическом режиме обрабатывать поручения Президента совместно с федеральными органами исполнительной власти на правах внешнего консультанта (Гусев, 2015а).

Таким образом, предложение академика РАН В.М. Полтеровича о необходимости создать в России Федеральное агентство развития (ФАР), которое координировало бы деятельность министерств и ведомств при реализации масштабных проектов (Полтерович, 2018), не было реализовано АСИ, претендовавшим на роль такого органа. В связи с этим В.М. Полтерович небезосновательно стал возлагать надежды на созданный в 2016 г. Департамент проектной деятельности Аппарата Правительства Российской Федерации, который мог бы выступить в качестве ФАР (Полтерович, 2018). Однако пока и в этом направлении больших сдвигов не заметно, и система РКР продолжает функционировать в автономном режиме.

⁵ Инвестиционный портал регионов России. URL: <https://www.investinregions.ru/regions/>

МЕТОДИКА СОСТАВЛЕНИЯ РЕЙТИНГА РКР И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Из сказанного выше напрашивается вопрос: а что нам известно о деятельности отечественных РКР?

Одним из первых шагов для ответа на поставленный вопрос может стать оценка уровня информационной открытости РКР, в зависимости от которой можно получить сведения и сложить мнение об их работе. Для ее оценки авторы рассматривали семь информационных блоков, каждый из которых оценивался по трехбалльной шкале: 0 – признак отсутствует; 1 – признак присутствует частично; 2 – признак присутствует. При этом пять блоков предполагали дополнительную разбивку на несколько элементов. В дальнейшем все признаки были агрегированы и усреднялись, после чего окончательные данные по каждой РКР нормировались в процентном отношении к корпорации-лидеру и ранжировались.

В качестве информационных источников Рейтинга информационной открытости РКР (РИОК) выступали сайты действующих корпораций, инвестиционные порталы регионов России, а также специальные сайты Центра раскрытия корпоративной информации Интерфакса⁶ и Ассоциации защиты информационных прав инвесторов⁷.

Общий массив РКР составил 46 компаний. В рейтинге не рассматривались межрегиональные корпорации, которые имеют свою специфику и плохо сопоставимы с обычными РКР.

Алгоритм составления РИОК представляет собой следующую процедуру.

Исходной переменной рейтинга выступает величина x_{jik} , которая представляет собой балл корпорации k , полученный по признаку j информационного блока i . Данная величина получается в результате оценки соответствую-

⁶ См.: <http://www.e-disclosure.ru>

⁷ См.: <https://e-disclosure.azipi.ru>

ющего признака экспертом, после чего баллы по всем признакам в рамках каждого информационного блока усредняются:

$$x_{ik} = \frac{1}{J} \sum_{j=1}^J x_{jik}, \quad (1)$$

где J – число признаков информационного блока i ; балльная оценка x_{jik} , принимает значения 0 (признак отсутствует), 1 (признак присутствует частично) и 2 (признак присутствует).

На следующем этапе баллы, полученные корпорацией по всем информационным блокам, взвешиваются следующим образом:

$$x_k = \frac{0,7}{6} \sum_{i=1}^6 x_{ik} + 0,3x_{7k}, \quad (2)$$

где $i=1 \div 6$ – информационные блоки с 1 по 6, суммарная доля которых равна 0,7; x_{7k} – усредненный признак по информационному блоку 7 для корпорации k , доля которого составляет 0,3. Данная система коэффициентов основана на предположении, согласно которому все информационные блоки равноценны, за исключением блока об инвестиционных проектах, в котором отражена самая ценная информация о конкретных достижениях РКР. Этот блок получает повышенный весовой коэффициент. Иначе говоря, система весовых коэффициентов определяется эвристически⁸.

Полученные значения (2) нормируются по правилу

$$z_k = \frac{x_k}{x_{\max}} \cdot 100\%. \quad (3)$$

На основе значений (3) составляется итоговый РИОК.

При оценке учитывались следующие блоки и признаки. *Блок 1* – наличие у корпорации официального сайта; в данном случае учитывается только один признак, и он являет-

ся точкой отсчета для остальных параметров. *Блок 2* – информация о корпорации. Данный блок включает три признака: общая информация, включая сведения об учредителях и контакты с компанией; органы управления компанией и контроля; сотрудники компании и возможность связаться с ними. *Блок 3* – корпоративная отчетность. Данный блок включает пять признаков: наличие отчетности на корпоративном сайте; наличие на других сайтах карточки организации, документации и отчетности; полнота ретроспективы отчетов и актуальность представленной информации (2 балла присваивалось за информацию с 2019 г., 1 – за 2018 г., 0 – ранее 2018 г.). *Блок 4* – международная открытость; этот блок включает два признака: наличие англоязычной версии сайта и наличие версий сайта на других языках (кроме русского и английского). *Блок 5* – медийность сайта. Данный блок включает два признака: широту представленности корпорации в социальных сетях (за основу взята представленность в четырех соцсетях – ВКонтакте, Facebook, Instagram, YouTube) и информационный блок сайта. *Блок 6* – качество навигации сайта; учитывается только один признак – удобство поиска информации и работы с сайтом. *Блок 7* – информация об инвестиционных проектах; в данном случае учитывается только один признак, но, как было сказано выше, это самая ценная информация.

Важной особенностью проводимой оценки является ее качественный характер. Эксперт, осуществляющий оценку каждого признака феномена информационной открытости компаний, дает только самую общую характеристику на основе того, что представлено в информационном пространстве: вместо длинной количественной шкалы используются только три оценочных маркера (0, 1, 2). Данное обстоятельство исключает сильные оценочные девиации и субъективность присваиваемых оценок. Для повышения надежности оценок использовались результаты совместной работы группы экспертов; их оценки были полностью консолидированными и согласованными.

⁸ Несмотря на невысокую строгость процедуры определения весовых коэффициентов, последующие вычислительные эксперименты показали довольно высокую устойчивость результатов рейтингования при варьировании величины коэффициентов.

Важным отличием методики РИОК 2020 г. от ее более ранней версии 2016 г. состоит в расширении информационного поля за счет учета двух новых сегментов – Блока 5 и Блока 6.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ: ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ

Результаты расчетов по описанному выше алгоритму позволили составить РИОК для 46 компаний, который полностью выставлен на сайте интернет-журнала «Неэргодическая экономика»⁹. По сравнению

⁹ Рейтинг информационной открытости региональных корпораций развития России. URL: <http://nonerg-econ.ru/cat/20/71/>

с предыдущим РИОК 2016 г. в ранжировании произошли серьезные изменения (рис. 2 и 3).

Прежде всего обращает на себя внимание крайне медленное расширение ОРС РКР – за четыре года их число выросло с 42 до 46, среди которых есть новые игроки, родившиеся в указанном временном интервале, в то время как имеются и ликвидированные организации. Темп прироста числа субъектов ОРС за четыре года составил 9,5%, что никак не может считаться хорошим показателем при наличии 85 субъектов Федерации, в каждом из которых, строго говоря, должны быть созданы подобные компании. Фактически только 54% российских регионов используют РКР в качестве ИПР; территориальный резерв расширения данной сети по-прежнему остается огромным.

Рассмотрим наиболее значимые изменения ситуации за период 2016–2020 гг. и дадим им оценку.

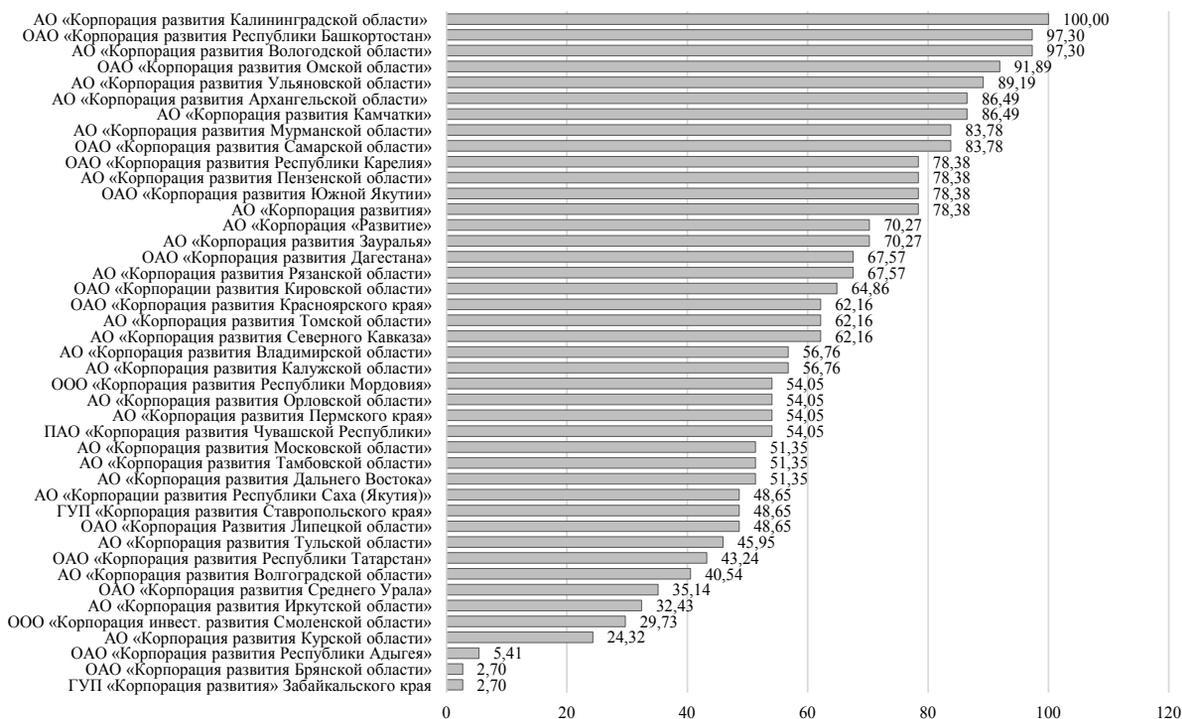

Рис. 2. Рейтинг информационной открытости РКР, 2016 г.

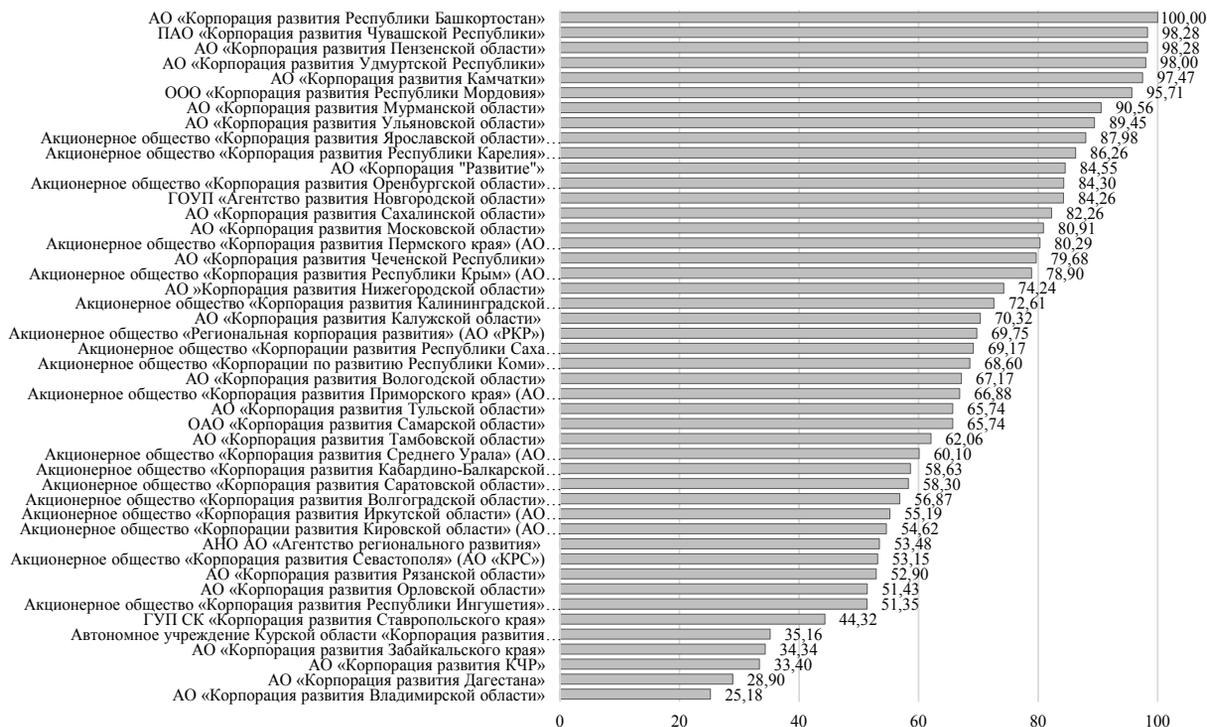

Рис. 3. Рейтинг информационной открытости РКР, 2020 г.

В первую очередь более пристально посмотрим на верхушку РИОК – топ-10 передовых корпораций (табл. 1). Для понимания уровня устойчивости процессов, происходящих на данном рынке, сравним листы топ-10 РИОК за 2016 и 2020 гг. Оказывается, только шесть РКР сохранилось в данном коротком списке, что позволяет оценить коэффициент обновления корпораций-лидеров в 40% ((4/10)·100%). При этом из четырех новых компаний две являются новорожденными, так как в 2016 г. их еще не существовало и они, естественно, не рейтинговались. Тем самым можно оценить эффект быстрого старта (т.е. вхождение в топ-10 РИОК компаний, появившихся после 2016 г.) созданных РКР в 20% ((2/10)·100%).

Последний эффект можно объяснить тем обстоятельством, что создаваемые РКР учитывают весь предыдущий опыт других компаний и сразу организуют свою информа-

ционную манифестацию на достаточно высоком уровне, тогда как зрелым участникам приходится постепенно совершенствовать свою устаревшую информационную систему.

Интересно изменение диапазона крайних рейтинговых оценок в топ-10 за четыре года. Так, если в 2016 г. он составлял 21,60 п.п., то в 2020 г. – 13,76 п.п. Таким образом, сокращение разрыва внутри передовой группы РКР уменьшилось на 7,84 п.п., что свидетельствует об обострении конкуренции среди лидеров по линии информационной представленности своей деятельности. При этом граница отсечения рейтингового балла для участников топ-10 РИОК 2016 г. составляла примерно 75%, тогда как в 2020 г. она поднялась до 85%.

Указанная тенденция проявляется и на всем массиве РИОК. Так, диапазон крайних рейтинговых оценок в РИОК в 2016 г. составлял 97,30 п.п., а в 2020 г. – 74,82 п.п., т.е. раз-

Таблица 1
Рейтинг топ-10 информационной открытости РКР России, сентябрь 2020 г.

№	Название РКР	Наличие сайта	Информация о корпорации	Корпоративная отчетность	Международная открытость	Медийность	Качество навигации	Информация об инвестиционных проектах	Итоговый балл, %
1* (2)	АО «Корпорация развития Республики Башкортостан»	2,00	1,67	0,75	1,00	2,00	2,00	2,00	100,00
2–3 (24–27)	ПАО «Корпорация развития Чувашской Республики»	2,00	0,67	2,00	1,50	1,00	2,00	2,00	98,28
2–3 (10–13)	АО «Корпорация развития Пензенской области»	2,00	1,67	1,50	1,00	1,00	2,00	2,00	98,28
4 (0)	АО «Корпорация развития Удмуртской Республики»	2,00	1,00	1,13	1,50	1,50	2,00	2,00	98,00
5 (6–7)	АО «Корпорация развития Камчатки»	2,00	1,33	2,00	2,00	1,00	2,00	1,50	97,47
6 (24–27)	ООО «Корпорация развития Республики Мордовия»	2,00	1,67	1,13	1,00	1,00	2,00	2,00	95,71
7 (8–9)	АО «Корпорация развития Мурманской области»	2,00	1,67	0,88	0,00	1,50	2,00	2,00	90,56
8 (5)	АО «Корпорация развития Ульяновской области»	2,00	1,67	1,00	1,00	1,50	2,00	1,50	89,45
9 (0)	Акционерное общество «Корпорация развития Ярославской области» (АО «КРЯО»)	2,00	0,67	0,00	2,00	1,00	2,00	2,00	87,98
10 (10–13)	Акционерное общество «Корпорация развития Республики Карелия» (АО «КРПК»)	2,00	0,67	0,75	0,00	2,00	2,00	2,00	86,26

* В данном столбце верхняя цифра показывает место РКР в рейтинге 2020 г. а нижняя цифра в скобках – место в рейтинге 2016 г.

рыв внутри всего множества РКР уменьшился на 22,48 п.п. Этот факт является сам по себе примечательным, так как в 2016 г. рейтинговый балл замыкающей компании составлял 2,7%, а в 2020 г. – 25,2%. Данное обстоятельство недвусмысленно свидетельствует о том, что даже минимальные требования к информационному portalу РКР существенно выросли. Все это говорит о том, что работа по широкой манифестации деятельности РКР идет и приносит плоды.

Если заглянуть «вглубь» РИОК, то можно понять, за счет каких именно направлений информационной деятельности компании улучшали свои рейтинговые показатели. Для этого рассмотрим пять групп показателей

и итоговый балл и определим долю корпораций, которые имели балл выше единицы, что при переводе в качественную терминологию можно трактовать как «не так плохо» (табл. 2).

В целом результаты позволяют утверждать, что информационная открытость РКР постепенно повышается, однако явно не без проблем. Во-первых, по-прежнему остаются очень незначительными данные табл. 2 относительно информации о корпорациях и их инвестиционных проектах. Последний аспект представляет собой главный провал деятельности ОРС РКР, так как именно запуск и курирование конкретных проектов являются главной задачей российских региональных корпораций. Во-вторых, настораживает факт

Таблица 2
Доля корпораций с рейтинговым баллом выше единицы, %

Показатель информационной открытости РКР	Год	
	2016	2020
Наличие сайта	78,57	84,78
Информация о корпорации	26,19	32,61
Информация об инвестиционных проектах	30,95	39,13
Корпоративная отчетность	73,81	60,87
Международная открытость	9,52	26,09
Итоговый балл	61,9	67,4

заметного ухудшения состояния корпоративной отчетности. Складывается впечатление, что большая группа РКР старается по возможности не афишировать свои финансовые балансы, затраты и доходы. Разумеется, такое положение дел вызывает дополнительные вопросы и подозрения в злоупотреблениях.

Подводя итоги, можно констатировать, что в целом информационная открытость российских РКР повышается, однако этот процесс по-прежнему имеет стихийный характер, когда нет никаких стандартов отчетности и каждая корпорация выстраивает и реализует свою собственную информационную политику.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ: КАНАДА

Для того чтобы понять, как и что могут улучшить в своей деятельности российские РКР, весьма полезным может оказаться зарубежный опыт. Однако образцы для подражания, даже с учетом отечественной специфики, следует выбирать по родовому признаку, т.е. изучать страны, имеющие обширную территорию, невысокую плотность населения и капризный климат. Для этой цели, на наш взгляд, лучше всего подходят Канада и Австралия.

Канада действительно может служить примером эффективной работы агентств регионального развития (АРР), которые вы-

ступают в качестве ключевого механизма региональной политики, способствующего развитию региональных инновационных экосистем, повышению инвестиционной привлекательности территорий и их экономическому процветанию.

История развития АРР в Канаде берет начало в 1987 г., когда федеральное правительство создало новую структуру региональной политики, акцентирующую внимание на местном экономическом развитии. В этот период были созданы первые АРР для развития экономически менее развитых регионов Атлантической и Западной Канады: Atlantic Canada Opportunities Agency (ACOA) и Western Economic Diversification Canada (WED) соответственно. Несколько позже аналогичные структуры появились в регионах Квебека, Северного и Южного Онтарио, Северной Канады: Canada Economic Development for Quebec Regions (CED) и Federal Economic Development Initiative for Northern Ontario (FedNor), Federal Economic Development Agency for Southern Ontario (FedDev Ontario), Canadian Northern Economic Development Agency (CanNor). Таким образом, сегодня структура АРР Канады представлена шестью агентствами, напрямую подотчетными министру экономического развития и официальных языков Канады. Созданные и финансируемые правительством Канады АРР реализуют федеральные программы развития на региональном уровне, создавая комфортные условия для бизнеса и процветания общин.

Изначально канадские АРР создавались как инструменты выравнивания региональных диспропорций, главным образом за счет перераспределения ресурсов. Однако сегодня их деятельность основана на принципе *нового регионализма*, императивом которого являются *инновации и индивидуальный подход к развитию конкретной территории*. Так, если для одних регионов приоритетом является модернизация существующего производства, то развитие других требует, например, диверсификации экономики или создания сектора передовых технологических фирм. Именно

поиск новых форм активизации экономического роста в регионах с учетом специфических особенностей территории и организация эффективного взаимодействия власти, бизнеса и науки составляют основу деятельности современных АРР в Канаде.

В качестве приоритетных в деятельности канадских АРР выделяются три направления, на которые уходит практически весь возобновляемый раз в пять лет бюджет агентств в размере 1 млрд долл.¹⁰ (у небольших CanNor и FedNor бюджет несколько меньше): развитие инноваций в сфере бизнеса (60%), развитие местных сообществ (35%), мобилизация знаний и распространение информации о проводимой политике (5%) (Bradford, 2018).

Каждое АРР предлагает несколько программ финансирования, среди которых одни являются национальными, т.е. управляемыми всеми агентствами, другие специфичны для отдельных АРР и ориентированы на потребности конкретного региона. К числу национальных программ относятся Regional Economic Growth through Innovation (REGI) и Economic Development Initiative (EDI). REGI объединяет два подпрограммных потока: Business Scale-up and Productivity (BSP), направленный на финансирование мероприятий, связанных с внедрением инноваций, ростом производительности труда и выходом на новые рынки, и Regional Innovation Ecosystems (RIE), поддерживающий развитие предпринимательской среды. EDI стимулирует распространение бизнес-знаний на официальном языке в среде иммигрантов и в малочисленных общинах. Объемы и условия финансирования из национальных программ варьируются от региона к региону: например, из средств BSP FedDev Ontario может финансировать до 35% проектных затрат на сумму не более 10 млн канадских долл., в то время как WED покрывает до 50% затрат проекта на максимальную сумму 5 млн долл. В 2019 г. в рамках реализации программы BSP агентством WED деся-

ти предприятиям в Альберте было выделено более 18 млн долл., а через RIE было профинансировано восемь проектов на сумму более 6 млн долл.¹¹

Наряду с администрированием национальных программ АРР предлагают и уникальные программы, ориентированные на специфические особенности регионов. Например, по программе Community Economic Development & Diversification (CEDD), реализуемой FedDev Ontario и направленной на создание благоприятных условий для устойчивого экономического роста в малых и сельских общинах Южного Онтарио, заявители могут покрыть до 50% проектных расходов на сумму до 5 млн долл. Одной из финансовых инициатив FedNor является программа Northern Ontario Development Program (NODP), в рамках которой оказывается поддержка проектам местных общин и может быть компенсировано до 90% затрат на проект при условии привлечения к работе по развитию местной экономики высококлассных специалистов. В 2019 г. через программу Steel and Aluminum Initiative FedNor предоставило предприятиям более 39 млн долл. АСОА стимулирует экономическое развитие региона через Atlantic Innovation Fund (AIF), поддерживающий проекты разработки и коммерциализации новых технологий. Quebec Economic Development Program (QEDP) является одной из ключевых программ, предлагаемых CED для поддержки местных общин в реализации мероприятий по расширению и диверсификации производства. Аналогичные программы предлагаются и остальными АРР.

Оценки результативности деятельности канадских АРР достаточно противоречивы. Прежде всего это связано с тем, что в силу их специфики достаточно трудно отделить эффект от их непосредственной деятельности от других эффектов, связанных с реализацией государственной региональной политики (Cozzarin, 2008). Например, относительно де-

¹⁰ В данном разделе в качестве финансового измерителя используются канадские доллары.

¹¹ См.: <https://www.mentorworks.ca/blog/government-funding/canada-regional-development-agencies/>

тельности АСОА канадские аналитики отмечают сохраняющееся отставание атлантических провинций Канады от других регионов. Однако в качестве причин, как правило, указываются системные ошибки федерального правительства (Savoie, 2003), в то время как непосредственная деятельность АСОА характеризуется успехами в увеличении занятости населения и внедрении инноваций (Savoie, 2000). Официальные оценки деятельности АСОА, размещенные на сайте Правительства Канады в течение последних пяти лет, свидетельствуют о ее положительном влиянии на социально-экономическое развитие подотчетного региона (Шкурюпат, 2020).

В течение 2018–2019 финансового года¹² CED инвестировала 293,1 млн долл. в 1079 проектов во всех регионах Квебека, отдача от которых составила порядка 2,76 долл. на каждый вложенный доллар, обеспечив 42% прироста выручки предприятиям, поддерживаемым программами CED¹³. За аналогичный период FedDev Ontario инвестировало в экономику региона 236,7 млн долл., профинансировав 197 проектов, способствующих созданию порядка 8 тыс. рабочих мест¹⁴. Аналогичные показатели были получены и по результатам деятельности WED, инвестировавшим в проектную деятельность региона 242,7 млн долл. и тем самым обеспечившим создание более 8 тыс. рабочих мест и 12,3% прироста выручки предприятий, поддерживаемых программами WED. Среди проектов, реализованных WED в 2018–2019 финансовом году, ключевыми являются восстановление железнодорожной линии Гудзонова залива и открытие порта Черчилль – важнейших инфраструктурных элементов торгового коридора, получившего название «Арктические

ворота», для обеспечения доступности транспорта для 30 тыс. жителей региона¹⁵.

Таким образом, на примере рассмотренных АРР становится очевидно, что они являются неотъемлемой частью региональной политики Канады и их опыт мог бы быть полезен для российской практики управления пространственным развитием. Это касается применения различных структур управления и государственных инициатив с учетом специфических особенностей регионов, обмена информацией о наиболее успешных практиках и применяемых подходах, реализации координирующих и оценочных мер результатов деятельности АРР. Особый интерес для России может представлять опыт организации информационной доступности и открытости канадских АРР, сайты которых являются элементами официального сайта правительства Канады, достаточно унифицированы и в полном объеме содержат информацию о реализуемых программах и полученных результатах.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ: АВСТРАЛИЯ

Еще одним характерным примером работы ИРР является Австралия. Формально понятия АРР или РКР в Австралии не существует, однако де-факто данный институт работает в рамках правительственной инициативы Региональное развитие Австралии (РРА) и представляет собой национальную сеть из 52 территориальных комитетов (ТК), которые распределены между шестью штатами (Западной Австралией, Южной Австралией, Новым Южным Уэльсом, Викторией, Квинслендом, Тасманией) и двумя территориями (Северной и Австралийской столичной) страны. В задачи ТК входит организация взаимодействия между всеми уровнями правитель-

¹² В Канаде финансовый год начинается 1 апреля и заканчивается 31 марта.

¹³ См.: <https://dec.canada.ca/eng/publications/drr/2019-2020/400/index.html#ref4>

¹⁴ См.: http://www.feddevontario.gc.ca/eic/site/723.nsf/eng/h_02507.html?OpenDocument

¹⁵ См.: https://www.wd-deo.gc.ca/eng/19904.asp#_Toc11399970

ства, бизнесом и общественными группами в целях содействия развитию регионов. Кроме того, они занимаются *разработкой планов развития регионов*; консультируют предпринимателей по вопросам финансирования частных проектов, направленных на укрепление региональной экономики, рост рабочих мест и обогащение социальной инфраструктуры территорий; проводят региональные форумы и обучение по ключевым вопросам развития региона¹⁶.

Важная особенность деятельности ТК состоит в их *персонализации*, т.е. каждый комитет представлен местными лидерами, которые хорошо разбираются в проблемах и возможностях региона и способны предоставить реальную помощь в его развитии. Все должности в ТК занимают волонтеры, однако кадровые назначения осуществляются федеральным министром, отвечающим за региональное развитие, после консультаций с местными органами власти.

¹⁶ См.: <https://www.rda.gov.au/>

Несмотря на большое число ТК, все они являются частью разветвленной сети, способствующей не только развитию отдельно взятого региона Австралии, но и экономическому росту страны в целом. Для обеспечения единства и слаженности в достижении общей цели заключаются разнообразные меморандумы и соглашения как между федеральным правительством и региональными органами власти, так и на уровне отдельных ТК. Общая схема РРА Австралии приведена на рис. 4.

Финансирование ТК осуществляется как из федерального бюджета, так и из средств региональных и местных органов власти, а также различных общественных организаций. При этом предполагается, что соответствующие ТК РРА должны курировать работу по предоставлению правительственных грантов и программ частным инициативам. Под патронажем РРА были реализованы и реализуются в настоящее время разные значимые для регионов Австралии проекты. Один из них – модернизация взлетно-посадочной

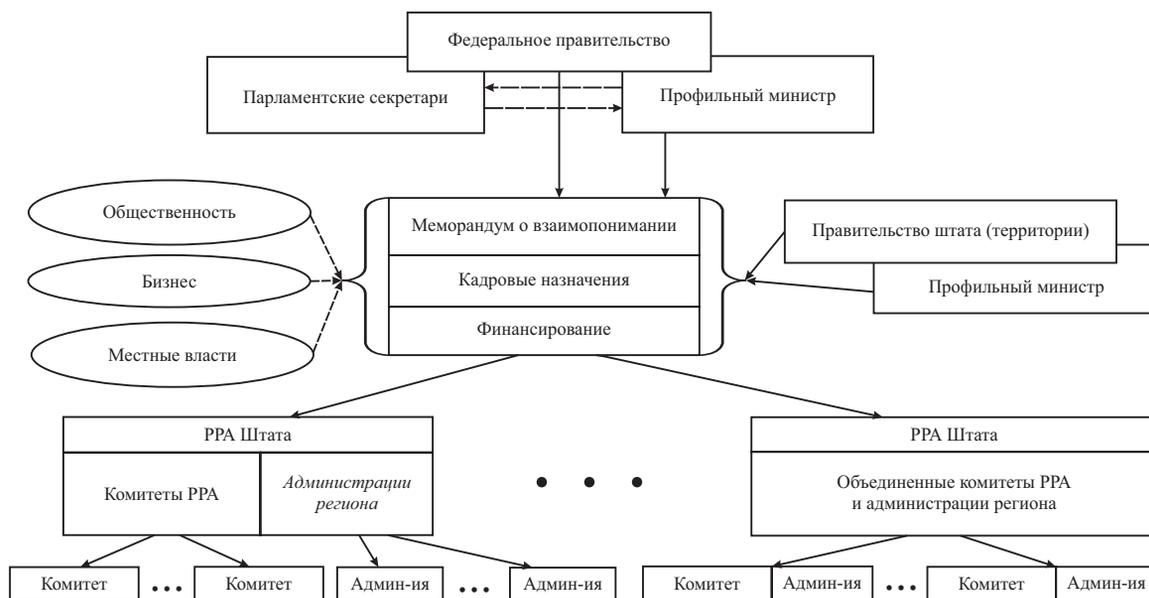

Рис. 4. Структурная схема РРА Австралии

Источник: (Балацкий, 2012).

полосы аэропорта Авалон под Мельбурном, которая обошлась викторианскому правительству в 12 млн австралийских долл. и позволила не только увеличить численность занятых со 180 до 680 человек, но и создать более доступную альтернативу столичному аэропорту. Другой – разработка при участии ТК Сиднея мощной сети поддержки аэрокосмической и оборонной отраслей Sydney Aerospace and Defence Interest Group (SADIG), которая оказывает промышленности услуги в поиске новых стратегических направлений и структур финансирования, и т.п.

По аналогии с Канадой информация обо всех австралийских ТК, входящих в систему PPA, объединена на едином портале Regional Development Australia с последующей переадресацией на персональный портал PPA каждого штата (территории) и комитета. Однако стоит отметить, что персональные сайты ТК сильно напоминают российскую практику: они не унифицированы и сильно различаются с точки зрения информационной открытости и наполненности. На одних сайтах полностью представлена вся необходимая информация как о самой организации и имеющихся в ее распоряжении ресурсах, так и о грантах и программах финансирования, сопровождаемых проектах и об историях успеха (например, портал PPA штата Виктория Regional Development Victoria¹⁷ или персональный сайт ТК Сиднея Regional Development Australia Sydney¹⁸). Сайты других ТК зачастую мало, информативны и недостаточно отображают специфику их деятельности (например, Australian Capital Territory¹⁹). Тем не менее с точки зрения организации единого информационного пространства опыт Австралии дает хороший образец для российской системы РКР.

¹⁷ См.: <https://www.rdv.vic.gov.au/regional-development-australia>

¹⁸ См.: <https://www.rdasdney.org.au/>

¹⁹ См.: <http://rdaact.org.au/>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный нами анализ позволяет сделать следующие выводы и наметить возможные изменения на ближайшие годы.

Во-первых, такой интересный и перспективный институт регионального развития, как РКР, в России продолжает развиваться. Однако темпы указанного развития крайне низкие и совершенно не соответствуют экономическим потребностям регионов. Для сравнения: в Австралии действует 52 АРР, а в России – 46 РКР. Если бы Россия имела сеть РКР с плотностью территориального покрытия на уровне Австралии, то у нее должно было бы быть 116 корпораций. Таким образом, для достижения Россией австралийского стандарта ей необходимо расширить имеющуюся сеть РКР в 2,5 раза. В любом случае темпы расширения ОРС РКР следует кардинально повышать, чтобы полностью покрыть экономическое пространство страны.

Во-вторых, информационная открытость российских РКР растет. Вместе с тем этот процесс имеет спонтанный и неупорядоченный характер. Каждое РКР разрабатывает свой собственный формат информационной открытости своей деятельности, что затрудняет понимание общей картины. В настоящий момент прежде всего необходимо усиливать работу, направленную на *открытие информации о корпоративной отчетности*, а также совершенствовать формы презентации завершенных, проектируемых и текущих проектов.

В-третьих, в России отсутствует «центр согласования» работы РКР, тогда как опыт Канады и Австралии подтверждает необходимость такового. Это позволило бы создать некий *информационный стандарт* для всех РКР и размещать все данные о работе корпораций на едином интернет-портале. Кроме того, это позволило бы создать ассоциацию РКР для оперативного обмена информацией и передовыми методами управления.

В-четвертых, сегодня отечественные РКР осуществляют спорадическую деятель-

ность, связанную с поиском и реализацией бизнес-проектов на своей территории, исходя из принципа «по мере возможности». Иными словами, региональные корпорации поддерживают инвестиционную и производственную инициативу предпринимателей, но не инициируют проекты, которые жизненно необходимы субъекту Федерации. Между тем опыт Австралии и Канады свидетельствует о том, что подобные структуры должны, помимо всего прочего, выполнять функцию *разработки специфической модели развития* экономики региона и формирования на этой основе образа будущего территории. Как правило, одним регионам желательно активно проводить модернизацию уже имеющихся традиционных производств, другим – осуществлять отраслевую диверсификацию экономики с созданием не типичных для данной местности предприятий и отраслей, третьим – фокусировать усилия на создании самых передовых и высокотехнологичных компаний. Можно предложить российским РКР сменить *реактивную политику*, предполагающую поддержку инициативы местных и внешних предпринимателей, на *проактивную*, направленную на выдвижение собственных бизнес-инициатив и привлечение к ним широких слоев бизнес-сообщества.

Список литературы / References

- Балацкий Е.В. (2011). Региональные инвестиционные форумы России: оценка привлекательности // Мир измерений. № 11 (129). С. 42–50. [Balatsky E.V. (2011). Russian Regional investment forums: attraction assessment. *Measurements World*, no. 11 (129), pp. 42–50 (in Russian).]
- Балацкий Е.В. (2012). Агентства регионального развития и их особенности: международный опыт // Капитал страны. [Balatsky E.V. (2020). Regional development agencies and their specificities: international experience. *Nation's Capital* (in Russian).] URL: http://kapital-rus.ru/articles/article/agentstva_regionalnogo_razvitiya_i_ih_osobennosti_mezhdunarodnyj_opyt/
- Балацкий Е.В. (2013). Инвестиционные форумы России как институт регионального развития // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (18). С. 101–128. [Balatsky E.V. (2013). Russian Investment Forums as the Regional Development Institute. *Journal of the New Economic Association*, no. 2 (18), pp. 101–128 (in Russian).]
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2020). Современные формы активизации экономического роста в регионах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 3. С. 74–92. [Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2020). Modern ways to boost economic growth in regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 13, no. 3, pp. 74–92 (in Russian).]
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А., Юревич М.А. (2019). Становление в России институтов регионального развития // Муниципальная академия. № 3. С. 95–100. [Balatsky E.V., Ekimova N.A., Yurevich M.A. (2019). Formation of regional development institutes in Russian. *Municipal Academy*, no. 3, pp. 95–100 (in Russian).]
- Гусев А.Б. (2015а). Резонансный продукт и его особенности // Независимая газета. 07–08. [Gusev A.B. (2015a). Resonance product and its specificities. *Nezavisimaya Gazeta*, 07–08 (in Russian).] URL: https://www.ng.ru/ideas/2015-07-08/5_rezonans.html
- Гусев А.Б. (2015б). Мальчики-стратеги. Зачем Путину молодые авторы «национальных инициатив»? // Капитал страны. [Gusev A.B. (2015b). Strategy boys. Why does Putin need young authors of the “national initiatives”? *Nation's Capital*. (in Russian).] URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/malchiki-strategi._zachem_putinu_molodye_avtory_nacionalnyh_iniciativ/
- Гусев А.Б., Доронина Е.Г. (2020). Авиашоу как драйвер регионального развития // Journal of Economic Regulation. Т. 11. № 2. С. 83–98. [Gusev A.B., Doronina E.G. (2020). Airshow as a Driver of Regional Development. *Journal of Economic Regulation*, vol. 11, no. 2, pp. 83–98 (in Russian).]
- Екимова Н.А. (2020). Проектное управление как фактор активизации экономического роста в ре-

- гионах // Экономика. Налоги. Право. Т. 13. № 3. С. 112–122. [Ekimova N.A. (2020). Project management as a factor of economic growth activation in the regions. *Economics, Taxes & Law*, vol. 13, no. 3, pp. 112–122 (in Russian).]
- Екимова Н.А. (2020). Институты регионального развития: Опыт Великобритании // *Journal of Institutional Studies*. Т. 12. № 3. С. 42–59. [Ekimova N.A. (2020). Regional development agencies of the United Kingdom. *Journal of Institutional Studies*, vol. 12, no. 3, pp. 42–59 (in Russian).]
- Полтерович В.М. (2016). Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. № 5 (47). С. 34–56. [Polterovich V.M. (2016). Institutions of catching-up development (on the project of a new model for economic development of Russia). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, no. 5, pp. 34–56 (in Russian).]
- Полтерович В.М. (2018). Федеральное агентство развития: оно необходимо для разработки и реализации успешных стратегий // *Проблемы теории и практики управления*. № 3. С. 35–41. [Polterovich V.M. (2018). Federal Development Agency: It is Needed to Design and Implement Successful Strategies. *International Journal of Management Theory and Practice*, no. 3, pp. 35–41 (in Russian).]
- Татаркин А.И., Котлярова С.Н. (2013). Региональные институты развития как фактор экономического роста // *Экономика региона*. № 3 (35). С. 18–26. [Tatarkin A.I., Kotlyarova S.N. (2013). Regional Development Institutions as an Economic Growth Factors. *Economy of Region*, vol. 3 (35), pp. 18–26 (in Russian).]
- Шкуропат А.В. (2020). Возможности использования опыта Канады для совершенствования региональной политики // *Российский внешнеэкономический вестник*. № 2. С. 107–118. [Shkuropat A.V. (2020). Applying Canadian Experience in Regional Policy Strengthening. *Russian Foreign Economic Journal*, no. 2, pp. 107–118 (in Russian).]
- Юревич М.А. (2020). Институт инвестиционных форумов: передовой зарубежный опыт // *Journal of Economic Regulation*. Т. 11. № 2. С. 73–82. [Yurevich M.A. (2020). Institute of Investment Forums: Advanced Foreign Experience. *Journal of Economic Regulation*, vol. 11, no. 2, pp. 73–82 (in Russian).]
- Benedek J., Horvath R. (2008). Regional Development in Romania. URL: <https://www.regionalstudies.org/wp-content/uploads/2018/07/countryreps-romania.pdf>
- Bradford N. (2018). Canadian regional development policy: Flexible governance and adaptive implementation. Paris: OECD. 32 p.
- Cozzarin B.P. (2008). Data and Measurement of R&D Program Impacts. *Evaluation and Program Planning*, vol. 31, no. 3, pp. 284–298.
- Eroglu N., Eroglu I., Ozturk M., Aydin H.I. (2014). Development agencies on the way to regional development: Romania-Turkey comparison. *Proceedia of Economics and Business Administration*, vol. 1, no. 1, pp. 214–221.
- Halkier H. (1992). Development agencies and regional policy: The case of the Scottish Development Agency. *Regional Politics and Policy*, vol. 2, no. 3, pp. 1–26.
- Halkier H., Danson M. (1997). Regional development agencies in Western Europe: a survey of key characteristics and trends. *European Urban and Regional Studies*, vol. 4 (3), pp. 243–256.
- Halkier H., Danson M., Dambor C. (1998). Regional development agencies in Europe. London: Jessica Kingsley. 374 p.
- Hughes J., Sasse G., Gordon C. (2004). Europeanization and regionalization in the EU's enlargement to Central and Eastern Europe. London: Palgrave Macmillan. 231 p.
- Maude A., Beer A. (2000). Regional development agencies in Australia: A comparative evaluation of institutional strengths and weaknesses. *The Town Planning Review*, vol. 71, no. 1, pp. 1–24.
- Salvador R., Juliao R.P. (2000). Regional Development Agencies in Portugal. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/cc18/61711fafa6beaea0bae1e0ad8cc39a9a0dc6.pdf?_ga=2.42817901.919716742.1587215455-1302553556.1585572547
- Savoie D.J. (2003). Reviewing Canada's Regional Development Efforts. URL: <https://www.gov.nl.ca/publicat/royalcomm/research/Savoie.pdf>

- Savoie D.J. (2000). Community economic development in Atlantic Canada: False hope or panceal? Ottawa: The Canadian Institute for Research on Regional Development. 132 p.
- Toktas Y., Sevinc H., Bozkurt E. (2013). The evolution of regional development agencies: Turkey case. *Annales Universitatis Apulensis Series Oeconomica*, vol. 15, iss. 2, pp. 670–681.
- Toktas Y., Botoc C., Kunu S., Prozan R. (2018). The regional development agency experiences of Turkey and Romania. *Business and Economics Research Journal*, vol. 9, no. 2, pp. 253–270.
- Yuill D. (1982). Regional development agencies in Europe. Aldershot: Gower, 449 p.

Рукопись поступила в редакцию 14.10.2020 г.

INFORMATION OPENNESS OF REGIONAL DEVELOPMENT AGENCIES IN RUSSIA: TRENDS AND FORECASTS

E.V. Balatsky, N.A. Ekimova

DOI: 10.33293/1609-1442-2021-1(92)-23-39

Evgeny V. Balatsky, Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; evbalatsky@inbox.ru. ORCID 0000-0002-3371-2229

Nataly A. Ekimova, Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; n.ekimova@bk.ru. ORCID 0000-0001-6873-7146

Acknowledgment. The article was prepared by financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-010-00712-A).

The authors express their deep gratitude to the anonymous referee for his useful comments.

During last decades Russia was in the process of forming a market of regional development institutions, the structure of which includes such managing entities as regional development corporations (agencies). The article examines the information openness of Russian regional development corporations (RDC). It gives quantitative assessment and shows the qualitative transformation of this phenomenon in 2016 and 2020. The official websites and portals of these organizations are used as information base. Comparison information openness ratings of the Russian RDC for 2016 and 2020, built by the authors, allowed establishing few important facts and trends' development. Firstly, the number of RDCs is slowly but surely growing. Secondly, their information openness has slightly increased over the last four years. Thirdly, the difference between the indicators of information openness of the RDC has sharply decreased, what indicates an increase in competition between these structures in the all-Russian information market. Fourthly, the work to improve awareness of RDC activities is spontaneous and does not involve any reporting standards. The experience of Canada and Australia was considered to identify management reserves in the work of Russian RDCs. That allowed to formulate few proposals. First, it is advisable to increase the number of domestic RDCs by 2–3 times. Secondly, a unified standard for RDC corporate reporting and a Federal portal with their contact details are necessary. Thirdly, RDC should not only participate in the implementation of regional projects, but also develop a promising model for the development of the territory, considering its specifics, which is currently absent.

Keywords: regional policy, development agencies, regional development institutions, rating, information openness

JEL classification: R58.

Manuscript received 14.10.2020